

А.К. Калямин,

*преподаватель кафедры политических наук
Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Массовая политическая коммуникация получила многоаспектное научное осмысление в современной политологии. Вместе с усложнением происходящих в обществе политических процессов изменяется и процесс коммуникации. Из технического средства обеспечения связи между отдельными элементами политической системы политическая коммуникация постепенно развивается до самостоятельного политического процесса. В современной политической жизни политическая коммуникация становится одним из основных ресурсов по достижению и удержанию власти, активно используемому в ходе собственно политической деятельности субъектами политического пространства [1, с. 78]. Как властный ресурс, политическая коммуникация характеризуется наличием внутренних институциональных составляющих и может быть моделирована, исходя из способов организации коммуникативного процесса [2].

Политическая коммуникация как процесс коррелирует с политической деятельностью субъектов политического пространства, осуществляющих свои властные и политические функции посредством политической коммуникации, поэтому государство и формализованные политические структуры выступают ведущими акторами процесса политической коммуникации. Для субъектов политической деятельности политическая коммуникация является и ресурсом, и формой политической деятельности.

Средства массовой информации – основной и определяющий канал осуществления политической коммуникации. Вместе с усложнением политических процессов, происходящих в обществе, усложняются сами СМИ как институт политической системы. Средства массовой информации постоянно наращивают свое воздействие на аудиторию, а информационное пространство политики все более поглощается собственно информационным пространством, формируемым СМИ. Отсюда следует вывод о публичности и массовости политической коммуникации как процесса. Для современной политической коммуникации публичность и массовость воздействия стали своеобразной институциональной характеристикой, поэтому наблюдается тенденция медиаизации политической сферы общества и системной зависимости акторов политического процесса от масс-медиа.

Региональная политическая коммуникация имеет ряд институционально обусловленных особенностей, связанных с базовыми условиями осуществления регионального политического процесса. В частности, наличие институтов государственной власти в субъекте Федерации и обособленных региональных механизмов управленческой деятельности приводит к возникновению на региональном уровне политической борьбы за власть между политическими субъектами.

Политическая деятельность в масштабе региона имеет ряд системообразующих ограничений. К таковым относятся принципы организации властных отношений, общие для всех субъектов России и закрепленные в Конституции РФ. Кроме того, законодательная и нормотворческая деятельность в субъекте Федерации осуществляется в рамках федерального законодательства, приоритет которого является системным принципом. Наличие вертикально интегрированных территориальных подразделений федеральных органов власти в регионах, их реальные контрольно-регулятивные функции и возможности воздействия на принимаемые в регионе властно-управленческие решения позволяют охарактеризовать политический процесс в регионе в соответствии с парадигмой политического процесса микроуровня.

Современный этап научного постижения политического процесса связан с исследованиями А. Бентли и В. Парето, предложившими понятия «элита» и «контрэлита» как субъекта и движущей силы политического процесса. Позднее А. Бентли выдвинул концепцию политического процесса как конкуренции «групп интересов» в борьбе за государственную власть. В логике Бентли формализованная или неформальная «группа интересов» является первичным субъектом политического процесса, а органы государственной власти выполняют регулятивную функцию в борьбе элитарных групп. Следует особо отметить, что именно Бентли вводит в политическую науку понятия артикуляции и идентификации групповых интересов как исходный пункт анализа любого политического процесса.

Пространственно-временной фактор как базовую характеристику микроуровневого политического процесса предложил Д. Трумэн в своей теории циклической смены периодов стабильности и неустойчивости в борьбе социальных групп за власть и контроль над распределением ресурсов. Эта идея получила дальнейшее развитие в процессуальной теории политических систем Д. Истона, в логике которого политический процесс выступает одновременно и как воспроизводство целостной структуры, и как циклическое функционирование политической системы во взаимодействии с социальной и внесоциальной средой. Для нас принципиальным является тезис Д. Истона о внутренних содержательных компонентах политического процесса в интерпретации их как взаимодействия формальных и неформальных структур власти с «политическим сообществом». Под таковым Д. Истон понимает стратифицированные группы интересов, политических акторов и индивидов, а также социальные страты, способные к артикуляции и идентификации политических, экономических и социальных интересов [3].

Таким образом, теория политического процесса микроуровня подразумевает видение политического процесса как совокупной политической активности со-

циальных субъектов и политических акторов в борьбе за контроль над формализованными властными институтами и механизмами властного управления, которая характеризуется локализованным во времени и пространстве соотношением общественно-политических сил. Тем самым научно обосновывается постановка вопроса о региональном политическом процессе как деятельности стратифицированных групп интересов, политических акторов и индивидов в процессе борьбы за власть и возможность влияния на нее. Кроме того, наличие коммуникативная подсистема и политическая коммуникация как процесс осуществления политической власти на уровне региона.

Основной вектор мотивации повседневной деятельности политических акторов в регионе можно определить как процесс завоевания или удержания власти либо создания эффективных рычагов воздействия на принятие управленческих решений. В качестве фундаментального отличия регионального политического процесса от общероссийского укажем на возможность артикуляции сообщений политическими акторами в расчете на вмешательство федеральных органов власти. Наряду с существованием в регионе неподконтрольных региональной власти экономических субъектов, подчиненное положение региональной власти относительно федеральной определяет и специфику политической деятельности в регионе.

Конкурирующие региональные политические акторы, претендующие на занятие высших постов в системе региональной исполнительной власти, также вынуждены соблюдать базовое условие лояльности курсу социально-экономической политики Президента и Правительства РФ. Можно привести ряд примеров, когда отдельные политические субъекты, занявшие посты в органах региональной исполнительной или законодательной власти на волне оппозиционных или протестных настроений, публично заявляли об изменении своих личных политических приоритетов. С 1997 г. количество глав регионов, являвшихся членами КПРФ, сократилось с тридцати трех до одного. В течение последних пяти лет семь глав регионов объявили о своем вступлении в «Единую Россию» либо о выходе из других партий, в которых состояли на момент избрания на пост губернатора региона [4]. Случаи коллективного перехода депутатов законодательных и представительных органов региональной власти, избранных по партспискам оппозиционных партий в «Единую Россию», отмечались в Волгоградской [5] и Амурской [6] областях, а также Ставропольском крае [7]. Так что политическая борьба в регионе часто может быть оценена как конкуренция согласных стратегически, но противоборствующих тактически. Данная борьба во многом проистекает в рамках процесса региональной политической коммуникации.

В качестве атрибута региональной политической деятельности можно выделить процесс информационного взаимодействия политических акторов как друг с другом, так и с обществом. Данный процесс подразумевает наличие обратной связи между политическими акторами и с обществом. В качестве предметной сферы региональной политической коммуникации можно определить весь спектр информационного воздействия политических акторов друг на друга и на различные сегменты социума.

Системообразующие ограничения, свойственные региональному политическому процессу, напрямую отражаются на функции региональной политической коммуникации. Процессы централизации государственной власти и вертикальной интеграции политической власти, характерные для современной России, стимулируют акторов регионального политического процесса к артикуляции своих ситуационных политических целей с учетом возможного вмешательства извне (федеральных органов государственной власти, высшего партийного руководства и т.п.). Системная возможность артикуляции с учетом внешнего воздействия, в свою очередь, приводит к уплотнению регионального политического пространства за счет политических акторов, чья деятельность осуществляется с учетом ограниченной возможности применения всего объема властных полномочий теми политическими субъектами, которые обладают такими полномочиями в настоящее время. Следствием данного процесса является постоянное возрастание числа разнообразных коммуникаторов и усиление значения горизонтального уровня политической коммуникации.

Возрастание роли горизонтального уровня политической коммуникации приводит к увеличению количества разнонаправленных векторов политических коммуникативных потоков. С одной стороны, в результате происходит раздробление политического сообщества на множество формализованных и неформальных групп, взаимодействующих по сетевому принципу. Сетевой принцип взаимодействия предусматривает диалоговую модель организации политической коммуникации между политическими акторами. С другой стороны, возрастающее значение горизонтального уровня политической коммуникации и ее преимущественная организация по сетевому принципу обуславливают смещение целей политической коммуникации как процесса.

В ходе дискурсивных исследований политической коммуникации выявлена и обоснована взаимосвязь дискурсов, развивающихся в политическом информационном пространстве, которые, собственно, и составляют информационное пространство коммуникативной системы. При этом отмечается публичность и наличие неявного содержательного плана как особенности политического дискурса. Эти же особенности можно считать и характеристикой осуществления политической коммуникации в сетевом сообществе. Иными словами, наблюдается процесс активной отправки сообщений разнообразными акторами коммуникационного процесса. Данные сообщения несут преимущественно артикуляционный характер, отправляются по каналам массовой коммуникации и имеют невидимую широкому кругу аудитории политическую подоплеку. Тем самым создаются базовые условия для частого возникновения коммуникативных ошибок и искажений информации на разных этапах процесса коммуникации, и существенно затрудняется раскодирование сообщений широким кругом конечных потребителей информации.

Сетевой принцип детерминирует отсутствие четкой иерархии коммуникативных связей в обществе и политической системе [8, с. 190, 199]. Следствием является нарастание коммуникативных помех в информационном сообщении государственных органов и общества. Происходит также структурное выделение «политического сообщества» (в логике Д. Истона), обособление политиче-

ски активных индивидов в процессе политической коммуникации. В результате получается некоторый массив граждан, способных к формированию собственного мнения относительно политических событий, и другой массив, «молчаливое большинство», специфику политического поведения которого выявила Э. Нозль-Нойман [9, с. 345, 351]. При этом в самом «политическом сообществе» как продукте политической коммуникации вырабатывается относительная независимость политических действий от внешнего коммуникационного воздействия. Получаемые и отправляемые акторами сообщения имеют характер политических действий, ресурса и результата деятельности одновременно. Определенная обособленность этих сетевых групп позволила одному из наиболее цитируемых теоретиков сетевого общества М. Кастельсу охарактеризовать степень возможности властного воздействия на такие группы следующим образом: «...логика сети имеет больше власти, чем власть в сети» [10, с. 407].

Теория сетевого общества признает телекоммуникационные каналы основным механизмом распространения политической информации. При этом СМИ как институт являются лишь одним из составляющих данного механизма, и значение их не может считаться определяющим. Однако М. Кастельс, отмечая тенденцию трансформации политических институтов и общественно значимых ценностей под воздействием разнонаправленных информационных потоков, видит следствием данной трансформации изменение мотивации политического поведения индивидов.

Разнонаправленные информационные потоки, которые продуцируются сетевым обществом, являются главными элементами «власти идентичности», при которой значение общественного мнения и идентификация абстрактных политических интересов индивидов с публичной позицией политических акторов существенно возрастают. Соответственно, значение СМИ как информационно-коммуникативной системы остается принципиальным с позиции информационного обеспечения борьбы за власть.

Осуществление региональной политической коммуникации проходит в институционально уплотненном политическом пространстве, в котором информационные просчеты коммуникативных акторов имеют существенные последствия для реализации политических целей. Взаимодействие политических акторов, в том числе по сетевому принципу, существование активных форм диалоговой политической коммуникации, возрастание значения горизонтальных информационно-коммуникативных потоков являются условиями, продуцирующими коммуникативные ошибки и разрывы между сферой публичной политики и обществом.

Интенсивный процесс институционализации новых групп интересов, уплотнение регионального политического пространства за счет появления новых политических акторов приводит к трансформированию функции политической коммуникации. Она становится смыслом существования отдельных политических акторов, которые только посредством политической коммуникации могут сигнализировать о своем существовании другим политическим субъектам. Положенная в основу политической деятельности, локализованной во времени и пространстве, политическая коммуникация трансформируется в качестве глав-

ного условия функционирования, развития и воспроизводства политической сферы вообще. Тем самым политическая коммуникация становится институциональной составляющей регионального политического процесса.

Библиографический список

1. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития [Текст] / М. Н. Грачев. – М., 2004.
2. Дьякова, Е. Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов [Текст] / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург, 1999.
3. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М., 2001.
4. Считайте его беспартийным [Текст] // Коммерсант-Власть. – 2008. – № 2 (755).
5. Фракция ЛДПР в Думе города Волжского перешла в «Единую Россию» [Текст] // Forex Times. – 2005. – 12 дек.
6. Амурская область не так проголосовала // Экспертный канал «АмурПолит.ру» от 06.03.2008 г. = http://www.fedpress.ru/28/polit/vlast/id_89998.html.
7. Ставропольский парламент перешел под контроль партии власти [Текст] // Независимая газета. – 2008. – 25 апр.
8. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер. – М., 2004.
9. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания [Текст] / Э. Ноэль-Нойман. – М., 1996.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М., 2000.

УДК 9(470.44–25)«1870/1917»
ББК 63.3(2).5

М.В. Зайцев,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫБОРОВ В САРАТОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Выборы в органы местного самоуправления являются неотъемлемой частью современной политической и общественной жизни. Реализация избирательного права на местном уровне – один из важнейших атрибутов демократии и гражданского общества. Однако далеко не все граждане России помнят, что традиция свободных и подлинно альтернативных выборов имеет в стране гораздо более глубокие корни и зародилась не в постперестроечное время. Такой опыт, в частности, российское общество накапливало в XIX – начале XX в.,